

МОСКОВСКИЙ ГОСУДРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Башкирова Мария Андреевна

**ОБРАЗ КРЕПОСТИ
В РУССКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ И ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.**

Специальность 5.10.3 — Изобразительное и декоративно-прикладное
искусство и архитектура

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения

Москва — 2024

Диссертация подготовлена на кафедре всеобщей истории искусств исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель:

Седов Владимир Валентинович

член-корреспондент РАН, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедры истории отечественного искусства Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Официальные оппоненты:

Карев Андрей Александрович

доктор искусствоведения, профессор кафедры истории отечественного искусства Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Чекмарев Владимир Михайлович

доктор искусствоведения, профессор кафедры Основ архитектуры и художественной коммуникации МГСУ

Яковлев Алексей Николаевич

кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора Свода памятников архитектуры и монументального искусства ГИИ

Защита состоится декабря 2024 года в час. мин. на заседании диссертационного совета МГУ.056.3 Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: г. Москва, Ломоносовский проспект, 27, корпус 4 Шуваловский, ауд. 419.

E-mail: art@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Ломоносовский просп., д. 27) и на портале:

<https://dissovet.msu.ru/dissertation/3017/>

Автореферат разослан « » ноября 2024 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат искусствоведения

Е. А. Ефимова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование посвящено одной весьма устойчивой и вариативной тенденции, отчетливо проявившейся в середине и второй половине XVIII в. в русской архитектуре: она выразилась в строительстве многочисленных сооружений, которые имитировали формы крепостной архитектуры при отсутствии реальной необходимости в фортификации. Первые архитектурные подражания фортификации появились еще в 1750-е гг., но кульминации интерес к теме крепости достигает в екатерининское время, особенно в 1770-е и 1780-е гг. Краткое царствование Павла I вновь активизировало развитие образа крепости в русской архитектуре. Такого рода постройки, объединенные общим образным содержанием, стали **объектом исследования.**

Тематическая общность стилистически и типологически разнообразных архитектурных памятников, стабильно появлявшихся на протяжении середины и всей второй половины XVIII в., позволила проблематизировать их через введение концепта *«образ крепости»*, под которым понимается, во-первых, закономерности и механизмы формообразования, позволяющие архитектуру воспроизвести – а зрителю узнать – в архитектурном произведении крепостное сооружение, а, во-вторых, сама интенция и комплекс связанных с ней представлений у заказчиков такого рода архитектурных произведений. Образ крепости является **предметом данного исследования.**

В начале работы фокус внимания был направлен в первую очередь на образное содержание памятников екатерининского времени, преимущественно относящихся к стилю неоготики, а также павловского времени, что предполагало в основном уточнение прототипов и степень влияния зарубежных неоготических памятников на русскую архитектурную школу последней трети XVIII в., а затем дальнейшее изучение внутренних взаимовлияний и выработку классификации всех выявленных памятников.

Однако, в процессе работы стало ясно, что исключения из «правила» о том, что гражданские (и церковные) постройки, имитирующие формы фортификации, маркирует неоготический стиль, превышают «критическую массу» и применительно к архитектурным реминисценциям крепости ставят под сомнение эффективность проблематизации этого явления через условную дихотомию «классического» и «готического».

Следование истории русской архитектуры только как истории стилей приводило к тому, что сталкиваясь с необходимостью описать очередное сооружение, очевидно относящееся к стилю классицизм, но в то же время явно задуманное как воспроизведение типа бастионной крепости или замка, исследователь оказывался вынужден относить его формы к очень ранним «проблескам» романтических тенденций в русской архитектуре XVIII в. или же вовсе не комментировать интеграцию планировочных схем и элементов крепостной архитектуры в усадебную постройку. В большинстве случаев, подобные проекты специально не анализировались вовсе, оставаясь лишь учтенными в корпусе работ создавшего их архитектора.

В то же время со временем стало очевидно, что и генезис крепостных форм в «готицизирующих» памятниках лишь до некоторой степени может быть удовлетворительно объяснен отсылками к идее реконструкции Кремля в середине 1760-х гг. или Турецкими кампаниями и их репрезентацией во второй половине 1770-х - начале 1780-х гг. И более того: действительно содержащая эти смыслы московская неоготика екатерининского времени, производная, казалось бы, от стиля В.И. Баженова и следовавшего за ним М.Ф. Казакова, находит себе параллели и аналоги в западноевропейских проектах, которые сегодня исследуются не столько через их стилевую принадлежность, сколько через образное содержание (т.н. «замковый стиль» братьев Адам).

Наконец, немногочисленные и, как представлялось вначале, незначительные памятники елизаветинского и раннего екатерининского

времени оказались при более пристальном рассмотрении настолько незаурядными и вовсе не случайными в ряду им подобных, распространившихся во множестве в последней трети XVIII в., что **хронологические рамки исследования** были расширены и в итоге включили всю вторую половину XVIII в. – то есть четыре царствования, каждое из которых создало собственный архитектурный образ крепости, конгениальный личности монарха, что и определило **структуру работы**, которая включает введение, четыре главы и заключение. Объективные особенности развития образа крепости в русской архитектуре обусловили диспропорцию размера трех основных глав и включение истории потешных крепостей Петра III в первую главу, посвященную крепостным реминисценциям середины XVIII в., а также подразделение второй главы, посвященной архитектурным проектам Екатерины II, на несколько параграфов, выделенных в соответствии с **территориальным принципом** развития образа крепости в обозначенный период в соответствии с тремя основными линиями – «столичной», «московской» и «южнорусской». Однако, наравне с названными подразделениями, была обособлена в отдельный параграф и включена в состав второй главы интерпретация образа крепости в стиле классицизма в целях более компактного изложения особенностей развития темы в эпоху Екатерины II. IV глава настоящего исследования полностью посвящена специфической области в русской архитектуре, являвшейся побочной по отношению к ее магистральной линии развития: в ней были рассмотрены здания тюрем и исправительных учреждений, казарм, различных подсобных построек, монастырских и церковных оград, а также попыток «реставрировать» памятники древнерусской фортификации во второй половине XVIII в.

Формулирование и разработка темы настоящего исследования позволяет рассматривать обширный круг памятников (в том числе до сих пор малоизученных) в «системе координат», которая учитывает как их стилевую

принадлежность, так и образное содержание, что позволяет избавиться от «прокрустова ложа» строгой привязки темы к одному единственному стилю и показать своеобразие русского архитектурного образа крепости.

Выявление памятников, их классификация, описание характерных паттернов, посредством которых воспроизведения образа крепости, были осуществлены практически, а также наблюдения над историей проблемы в отечественной историографии были нацелены на всестороннее и насколько возможно полное изложение истории воспроизведения крепостных форм в русской гражданской и церковной архитектуре второй половины XVIII в., как целостной непрерывной картины, состоящей из разнообразных и взаимосвязанных импульсов и линий развития, обусловленных как творческим методом и масштабом дарования того или иного архитектора, так и волей и кругозором заказчика, стало **целью исследования.**

Для этого потребовалось решение следующих **задач:**

- выявить и описать характерные черты в планировке и объемно-пространственном решении всех зданий, задуманных как архитектурное воплощение образа крепости/замка.
- очертить круг памятников и выработать подход к их классификации, который отражает особенности процесса становления и развития образа крепости и взаимосвязей внутри него.
- проанализировать русскую интерпретацию образа крепости в общеевропейском контексте и определить возможные аналоги, прототипы и заимствования.
- выявить архитектурные особенности воспроизведения образа крепости в России во второй половине XVIII в., а также особенности его восприятия современниками (как заказчиками, так и сторонними наблюдателями) в зеркале мемуаристики и эпистолярного жанра.

Степень научной разработанности темы представляется недостаточной. Сравнения с крепостью/ замком достаточно часто появлялись как в дореволюционной и советской историографии, так и в современных отечественных работах в качестве тропа при описании построек, но сам феномен воспроизведения черт крепостного сооружения в гражданской и церковной архитектуре до конца проблематизирован не был. Образ крепости рассматривался либо как составная часть неоготического стиля (А.А. Аронова), либо привлекался при иконологическом анализе отдельных памятников в контексте архитектурных типов «укрепленная вилла» и «укрепленный дворец» (А.Н. Спащанский), а также в рамках описания семантики парковых ансамблей (М.Н. Соколов). Отметим, что тема остается мало разработанной и в западной историографии, хотя сам по себе факт уподобления здания замку отражен в исследованиях иконографии европейской архитектуры (Г.Бандман, А. Болтон, Э. Вальдес дель Альмо).

Научную новизну работы обусловило отсутствие специального исследования, в котором был бы сформулирован феномен имитации крепостных элементов в гражданской и церковной архитектуре (то есть вне связи с реальной оборонительной функцией), очерчен круг памятников, разработаны подходы к систематизации материала и предложена концепция их изучения.

Важной частью исследования, которая «уравновесила» общие наблюдения над специфическими формальными паттернами, присущими крепостным реминисценциям, их возникновением и закономерностями развития, стали результаты работы с архивными и музейными фондами, в частности публикация ранее неизвестных документов и графических листов, а также анализ русских памятников в контексте английской и неаполитанской архитектурных школ, которые ранее либо не привлекались для сравнения, либо не затрагивали проблему образа крепости. В результате были обнаружены ранее неизвестные прототипы и параллели для

Эрмитажной Кухни в Царском Селе, конного двора в имении Красное, парадного фасада дворца в Островках, павильонов декораций празднования Кучук-Кайнарджийского мира на Ходынском поле и в Царицыно, предложена новая интерпретация форм Чесменского дворца.

Кроме того в данном исследовании рассмотрены сооружения, до сих пор остающиеся «на полях» магистральной линии изучения русской архитектуры, несмотря на их высокую историческую ценность (сохранившееся уникальное здание Вифанский семинарии, созданное по заказу митрополита Платона при покровительстве и участии Павла I). Данный подход к проблеме образности в русской архитектуре второй половины XVIII в. обуславливает **актуальность** настоящей работы.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она может быть использована исследователями при дальнейшем изучении различных аспектов русской архитектуры XVIII в., а также развитии методологии в данной области.

Практическая значимость работы в первую очередь видится в привлечении внимания к проблеме сохранности и дальнейшего изучения памятников архитектуры (особенно малых форм), многие из которых в настоящее время находятся в аварийном состоянии. Также она может быть полезна преподавателям при составлении пособий и чтении курсов по истории русской архитектуры

Методологическая основа исследования исследования сочетает ряд подходов, каждый из которых отвечает той или иной задаче. При разработке метода исследования учитывалась история вопроса и его современное состояние.

Иконологический метод позволил осуществить саму постановку проблемы и очертить круг сооружений, ставших объектом данного исследования. Формально-стилистический метод применялся для описания

построек и определения их стилевой принадлежности. Для ряда памятников применялся сравнительный формально-стилистический анализ, направленный на выявление их связи с предполагаемыми западноевропейскими прототипами.

Традиционный «инструментарий» искусствоведческих дисциплин был расширен с привлечением приемов структуралистского анализа, посредством которого стало возможным выявление принципов формообразования в архитектурной практике эпох Просвещения. Композиционные и объемно-пространственные паттерны, которыми пользовались архитекторы при работе над проектом сооружений «в виде» крепости, раскрываются как устойчивые структуры, образованные простым и довольно однообразным набором элементов.

Для описания семантического уровня существования архитектурного произведения и обоснования принципиальной не тождественности образного содержания и стилевой принадлежности был учтен опыт изучения художественной формы Л.С. Выготским, что позволило показать образ крепости как самостоятельную и самоценную художественную форму, которой прикладывались разнообразные идейные программы заказчиков.

Для анализа последних привлекался культурно-исторический подход. Конкретные идейные программы (или исследовательских представления о них), известные для того или иного памятника, а также различные описания и упоминания памятников современниками и базирующиеся на них исследовательские гипотезы, были подвергнуты ревизии в целях дополнительного обоснования или же подтверждения сделанных выводов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. На протяжении второй половины XVIII в. в русском архитектурном процессе наблюдается одна устойчивая интенция заказчиков и архитекторов – возведение построек, которые воспроизводили облик

крепостного сооружения. Речь идет не о «потешных» крепостях или же архитектурной теории самой фортификации, но об особом художественном явлении: имитации абстрактной крепости, становящейся темой для нового гражданского, административного или церковного архитектурного сооружения.

2. Подражание крепостной архитектуре в этих сооружениях осуществлялось посредством специфических механизмов архитектурного мимезиса – через воспроизведение характерных композиционных и объемно-пространственных решений, а также путем наделения сооружения конвенциональными смыслами крепости/замка.
3. Каждое из царствований дает свою уникальную интерпретацию образа крепости, соответствующую личности монарха: Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II и Павла I. Кругозор и темперамент монархов играли ключевую роль в реализации подобных архитектурных проектов. Три наиболее значимые эпохи – Елизаветинская, Екатерининская и Павловская – определили логику первичного разделения обширного и неоднородного круга памятников по хронологическому принципу сменяющихся эпох.
4. Все вместе эти сооружения не образуют по-настоящему цельную группу с точки зрения типологии, стиля или функции. В зависимости от эпохи и выбора заказчика в основу того или иного архитектурного проекта мог быть положен образ современной крепости бастионного типа, средневекового феодального замка, шато, темницы, позднее, к ним присоединились попытки реконструкции национальной старины – монастырских оград и городских укреплений.
5. Уподобиться крепости могли самые разнообразные постройки: частные и придворные, увеселительные и хозяйственные сооружения, муниципальные, административные, пенитенциарные; образ крепости мог

принять даже храм. Все эти сооружения несли в себе коннотацию крепости вне зависимости от типологии и функции.

6. Образ крепости не зависит и от деления на стили. Образ крепости мог быть облачен и во вполне классические формы и не обязательно нуждался в апелляции к средневековым «древностям»: постройки в неоклассическом стиле были не просто спорадическим экспериментом, а устойчивой линией развития образа крепости.
7. Крепостная архитектура (включая фортификацию Нового времени) стала еще одним (и важным) источником форм, альтернативным по отношению к классической архитектуре ордера, наравне с архитектурой Востока (китайской, мусульманской), готической церковной архитектурой или же с представлениями о первобытной архитектуре. Но в отличие от перечисленных стилевых ответвлений, в которых фокус внимания архитекторов и заказчиков был направлен на этнографический и исторический аспекты, образ крепости был обусловлен признанием самоценности инженерного совершенства фортификации как таковой и присущих ей эстетических свойств.
8. Если немногочисленные сооружения на тему крепости бастионного типа середины XVIII в. находят себе лишь параллели в европейской архитектуре, то заказы Екатерины II и ее окружения явно опирались на прототипы, заимствованные из современной им английской и итальянской архитектурных школ. Особое влияние на русских заказчиков имели архитектурные проекты, относящиеся к т.н. «замковому стилю» братьев Адамов и их мастерской, а также опыт неаполитанских городских празднеств и их декораций («machine»).
9. Представление о воспроизведении османских крепостей в качестве особого рода меморативной практики в русском усадебном строительстве

екатерининского времени (неоготические проекты) не находят подтверждения.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Данная работа включает Введение, четыре главы, Заключение, Список Литературы и Приложения. Специфическая неоднородность выявленных памятников, обусловленная как объективными причинами (продолжительность царствования), так и художественными (востребованность крепостных реминисценций), привела к определенной диспропорции в **структуре** настоящей работы, и потребовала разделение второй главы на несколько под-глав в соответствии с территориальным принципом, которые в свою очередь подразделяются на параграфы, посвященные наиболее значимым персоналиям (архитекторам и заказчикам). В структуру работы введен дополнительный параграф, посвященный только классицистическим памятникам, и глава, в которой образ крепости рассмотрен в контексте тюремных зданий, подсобных строений, произведений малых форм (ограды и ворота), а также поновлений древнерусских памятников.

Это обусловило принцип построения работы как изложение истории образа крепости в русской архитектуре как единого, непрерывного процесса, который, однако, демонстрирует новые аспекты данного явления на каждом новом этапе развития.

Введение включает историографию, изложение целей и задач, теоретическое обоснование вводимого понятия «образ крепости» и формальные принципы его конструирования, а также приведен обзор корпуса упоминаний крепости/ замка авторами второй половины XVIII в., в котором подробно рассмотрены предпосылки сложения образа крепости как проблемы изучения русской архитектуры, начиная от исследований

дореволюционных авторов и заканчивая новейшими работами современных искусствоведов.

В разделе, посвященном истории вопроса, показано, что семантически анализ крепостных реминисценций в архитектуре эпохи Просвещения, начиная с дореволюционных работ касался в первую очередь памятников неоготики – так что со временем в отечественной историографии устоялось представления о тождественности образа и стиля. Изложены наиболее влиятельные относительно возникновения крепостных реминисценций в эпоху Просвещения (влияние форм московского Кремля, мемориальная функция усадеб бенефициаров Турецких кампаний).

В качестве фундаментальных работ по истории вопроса выделены работы исследователей архитектуры эпохи Просвещения: Е.А. Тартаковской, В.В. Згуры, А. Болтона, Т.А. Каждан, А.Н. Спащанского, С.С. Ваняна.

Описаны принципы классификации выделенных в качестве объекта исследования памятников и обоснован подход к структуре работы.

Первая глава («Крепостные реминисценции в русских загородных ансамблях середины XVIII в.: от «потешной крепости» к образу крепости») посвящена ранним крепостным реминисценциям елизаветинского и раннего екатерининского времени. В нее вошел историографический экскурс в историю изучения Петерштадта и обосновано разделение феномена «потешной крепости» середины XVIII в. и собственно архитектурного сооружения, созданного в подражание крепости/замка.

Тем не менее Екатеринбург и Петерштадт Петра III в Ораниенбауме показаны как своего рода «предтечи» образа крепости, инспирировавшие первое сооружение в России, созданное на «тему крепости» (причем бастионного типа) - Царскосельского Зверинца Ф.-Б. Растрелли. Этот оригинальный и незаслуженно забытый памятник не находит прототипов в европейской архитектуре. Отчасти параллелью ему могут служить

произведения архитекторов Дж. Б. Сантини и Б.-К. Анкермана, но не прямыми образцами.

Производными от идеи Растрелли представляются менее масштабные постройки в усадебных ансамблях конца 1750-х и 1760-х гг. под Москвой и Санкт-Петербургом (Стояново, дача Бестужевой на Каменном острове, Кусково).

Главной особенностью образа крепости этого времени является его воплощение в формах позднего барокко и рококо, а также ориентация на формы крепости бастионного типа, лишенной каких-либо средневековых или же почвенных аллюзий. Однако, расположение такого рода сооружений на границе загородного ансамбля повторяет планировку города Нового времени.

Вторая глава («Образ крепости в русской архитектуре последней трети XVIII в.: Рыцарская мифология Екатерины II») посвящена различным сооружениям, изображающим крепость или замок, которые были заказаны Екатериной II и ее сподвижниками, в первую очередь Г.А. Потемкиным-Таврическим и П.А. Румянцевым-Задунайским.

Личный выбор Екатерины II как заказчицы архитектуры рассматривается как реперная точка развития образа крепости в русской архитектуре эпохи Просвещения. Увлечение императрицы английским пейзажным парком послужило импульсом к насаждению неоготического стиля в загородной архитектуре, а также сложению московской вариации этого направления (творчество В.И. Баженова, М.Ф. Казакова).

Тем не менее обращение к английским образцам произошло не сразу. Ему предшествовали ряд заказов павильонов-замков для праздничных иллюминаций, а также строительство Гатчинского дворца по образцу итальянских укрепленных палаццо во второй половине 1760-х гг.

В 1770-е гг. Екатерина II заказывает ряд проектов Ю. Фельтену и отцу и сыну Нееловым по образцу английских «folly castle», а также конструирует официальный «миф» Турецких военных кампаний, который включает введение новой титулатуры для ее героев, воспроизведение топографии вновь присоединенных губерний в архитектуре усадеб и городских праздников, архитектурные аллюзии на тему крепости. Именно Екатерина II искусственно насаждает образ крепости в Москве посредством ряда архитектурных заказов около 1775 г.

Роль английских архитектурных образцов в этот период велико (к примеру, дворец-замок в Островках, подражающий неоготике Г. Уолпола и «замковому стилю» братьев Адам). Однако, Екатерина II и В.И. Баженова опирались и на опыт итальянской, в первую очередь, неаполитанской архитектуры. Идея архитектурных декораций Ходынского поля скорее всего была заимствована в Неаполитанском королевстве и городских праздниках династии Бурбонов при посредничестве И.И. Шувалова.

Интересной особенностью «московской» линии развития стала, во-первых, особая отзывчивость на предложенные новации, благодаря которой новый неоготический вариант стиля (Царицыно, Петровский подъездной дворец) был развит в рядовом усадебном строительстве вокруг Москвы и в других губерниях, а также большая самостоятельность в обработке предложенных европейских прототипов. Фактически специфику «московской» линии развития определили не пристрастия заказчиков, как это было в столичной линии развития, а творчески поиски В.И. Баженова и его ученика и сотрудника М.Ф. Казакова.

В же время франкофильская ориентация московских заказчиков породили ряд сооружений в стиле классицизм, отсылающих к французским шато Нового времени, что демонстрирует наравне с открытостью к новым художественным импульсам, устойчивость вкусовых пристрастий.

Но классицизирующие вариации на тему крепости в екатерининское возникали не только в Москве: в Санкт-Петербурге и под Псковом строились загородные дворцы, муниципальные и полковые общественные сооружения, подражающие формам укрепленного палаццо по проектам Дж. Кваренги.

Лояльность монархине П.А. Румянцев-Задунайский выразил в строительстве своих малороссийских резиденций (Великая Топаль, Вишенки, Кочановка и др., а также подмосковное Троицкое-Кайнарджи). Эта группа заказов образовала небольшую стилистическую целостность внутри всего периода, наравне с основными художественными центрами - Москвой и Санкт-Петербургом.

Образ крепости екатерининского времени не столько апеллирует к западноевропейской архитектуре, сколько опирается на заимствованные рецепты архитектурного воплощения образа крепости. Особого внимания заслуживают многочисленные параллели с интерпретацией национального стиля в творчестве братьев Адамов (т.н. «Замковый стиль»), которые развивается как раз в последней трети XVIII в., разрабатывая схожие композиционные схемы и декоративные приемы, которые есть в наиболее оригинальных и совершенных проектах В.И. Баженова и М.Ф. Казакова, И.Е. Старова, И.В. Неелова. Существование этих прототипов не умаляет значения проектов русских архитекторов, а напротив обогащает понимание их генезиса и настоящего исторического контекста.

Третья глава («Образ крепости в русской архитектуре конца XVIII в.: новые смыслы») посвящена образу крепости в заказах Павла I и его окружения. Данный период показан как краткий, но чрезвычайно интенсивный период в истории развития образа крепости.

Интересной особенностью павловских заказов стала принципиальная «сепарация» от образцов «готицизирующих» замков, утвердившихся в царствование его матери. Император ориентировался на архитектуру

укрепленных палаццо и французских загородных замков Нового времени, учитывались и путевые впечатления по Германским землям и Альпам.

Ко времени правления Павла I стало понятно, что требуются новые формы и смыслы, которые и были реализованы в заказах императора, в которых исследователи опознают предромантические тенденции. Но, думается, к концу XVIII в. вопрос «как будет реализован архитектурный проект на тему крепости/замка», основной для предыдущего периода (времени, когда русские заказчики и архитектор открывали для себя новые образцы) уступил место желанию реализовать архитектурный проект как манифест мировоззрения заказчика.

В провинциальных усадьбах строятся обширные ограды и экономии с башнями (Андреевская крепость в Алексине, Сабуровская крепость, ограда усадьбы Безбородко в Дмитровске под Брянском), свидетельствующие о постепенном изживании языка екатерининской неоготики.

Такие сооружения, как Михайловский замок Павла I и Вифанский семинарский замок, созданный им же в сотрудничестве с митрополитом Платоном), подытожили «архитектурные высказывания» на тему крепости во второй половине XVIII в., соединив идейную программу, как своего рода манифест мировоззрения заказчиков, и опыт формальных поисков этого периода.

Особый акцент сделан на историографии Вифанской семинарии: подробно рассмотрены труды протоиер. А.А. Беляева 1890-х– 1900-х гг., который не только собрал сведения по истории, но и проанализировал идейную программу и образное содержание этого сооружения, предвосхитив иконологический метод исследования архитектуры и семиотику садово-паркового искусства Д.С. Лихачева. Благодаря забытым работам А.А. Беляева была установлена уникальная роль этого сооружения, аккумулировавшего идейные и художественные поиски эпохи.

Четвертая глава (««Эрзац-крепость» в русской архитектуре последней трети XVIII века») отведена сооружениям, сосуществовавшим с «большой» архитектурой, питавшейся ее идеями, но в силу сословной принадлежности ее заказчиков (церковь, старообрядческие общины) или же специфической области применения («реставрация» средневековых памятников, тюремной острог, пороховой склад, конюшни и т.п.) выделенным в особую группу памятников. В целом однообразная с точки зрения формальных решений, она тем не менее содержит ряд изящных сооружений, которые свидетельствуют о творчески усвоенных образцах московской неоготики (ограда церкви в имении Диево-Городище и Покровской церкви в Твери, Одоевская башня, рабочий дом в Твери).

Обширный и разнородный материал рассмотрен с точки зрения функциональности. Особое внимание уделено архитектуре тюремных зданий екатерининского времени (тюремный замок на Крюковом канале И.Е. Старова, Бутырский замок М.Ф. Казакова).

В частности проекты Казакова рассмотрены в связи с проектами аналогичных построек того же времени, созданных в мастерской братьев Адамов. Прослеживаются четкие композиционные, планировочные и стилистические параллели, что позволило выдвинуть предположение о влиянии английских образов и на эту область русской архитектуры екатерининского времени.

В Заключении подытожены выводы, сделанные в основной части, и обосновываются выносимые на защиту положения.

Тема крепости входит в русскую архитектуру в середине XVIII в., в царствование Елизаветы Петровны. Первым сооружением, положившим начало череде воспроизведений образа крепости второй половины XVIII в., стал царскосельский Зверинец Ф.-Б. Растрелли, замысел которого был скорее

всего инициирован возрождением традиции строительства «потешных крепостей», которое осуществил Петр III в Ораниенбауме.

К тому времени, когда Екатерина II занялась «мифотворчеством» Турецких войн, архитектурные оммаж фортификации в гражданской архитектуре уже был опробован и составлял небольшой круг построек в первоклассных загородных ансамблях, причем большинство этих сооружений подражали формам крепостей Нового времени бастионного типа.

Со второй половины 1760-х и до середины 1780-х гг. образ крепости в русской архитектуре движется во многом параллельно с творчеством британских архитекторов, в первую очередь «замковым стилем» братьев Адам, что было обусловлено личными вкусовыми пристрастиями Екатерины II, которые как знак лояльности переняли главные герои и бенефициары Турецких кампаний – Г.А. Потемкин-Таврический и П.А. Румянцев-Задунайский. В то же время, Екатерина II, вероятно, через своего агента в Европе И.И. Шувалова, находит новые архитектурные образцы, которые использует для репрезентации успехов своих военных кампаний – павильонов в виде крепостей, заимствованные в фестивальной архитектуре Неаполитанского барокко.

Именно в период с середины 1770-х и до конца 1780-х гг. В.И. Баженов, И.Е. Старов, М.Ф. Казаков, Н. Легран, И.В. Неелов, Дж. Кваренги в диалоге с крепостными реминисценциями английской, французской и итальянской архитектурных школ создают собственные, вполне самобытные проекты, которые будут влиять на русское усадебное строительство на протяжении последней трети XVIII в. и отчасти в начале XIX в. Ансамбль Ходынских павильонов для празднования Кучук-Кайнарджийского мира 1775 г., Царицыно и Петровский подъездной дворец, здание Кригскомиссариата, дворец в Островках и Баболовском парке, дворец в Велье – вот знаковые

сооружения, в которых кульминирует идея воспроизведения образа крепости екатерининского времени.

Хотя крепостные реминисценции возникают еще в эпоху, которая ассоциируется со стилем барокко, образ крепости стал трактоваться как примета и в то же время средство выразительности русской неоготики. При этом то обстоятельство, что в одно время с неоготическим стилем возникает и приносит обильные плоды классицизирующая линия развития образа крепости, до сих пор оставалось практически без внимания. Проблема подражания архитектурного сооружения формам крепости (при отсутствии реальной необходимости фортификации) косвенно обозначилась еще в дореволюционных работах, посвященных русской архитектуре последней трети XVIII в., и продолжила свое имплицитное существование в советском искусствознании, «балансируя» на границе между средством описания и иконологическим анализом.

Между тем, крепость как тема для архитектурного мимезиса в последней трети XVIII в. существует не только в магистральной линии развития русской архитектуры. Образ крепости, как выражение пассионарной экспансии, присущей мифу о Турецких военных кампаниях, созданном Екатериной II, отзывается в традиционной русской культуре: он будет востребован в церковном и монастырском строительстве и при реконструкции древнерусских памятников фортификации. Еще одной специфической областью применения образа крепости станет реформированная Екатериной II пенитенциарная система Российской Империи.

Правление Павла I открывает новый, краткий, но очень интенсивный период в развитии образа крепости, отмеченный предромантическими тенденциями, выраженными через более адекватные настоящим памятникам западноевропейской средневековой архитектуры интерпретации образа

крепости. «Павловский стиль» образа крепости апеллирует к европейским континентальным прототипам, замкам Франции и Германии.

Тем не менее, наиболее ярким и оригинальным сооружением, выразившим представление о крепости эпохи Просвещения в конце XVIII в., стал Вифанский семинарский замок в подмосковной обители митрополита Платона, идейная программа которого была «прочитана» только в начале XX в. церковным историком и богословом протоиереем А.А. Беляевым – исследователем совершенно неизвестным и «неучтенным» в отечественной историографии.

Разнообразные, решенные в русле разных стилевых направлений, все рассмотренные выше памятники объединены одним набором композиционных паттернов, лежащих в основе этих проектов. Формально они выражены в довольно простом и ограниченном наборе элементов и их взаиморасположении: башни отмечают отрезок стены или невидимую линию границы чего-либо, в зависимости от ситуации то разрастаясь до сложных, многочастных сооружений, то сокращаясь до условного обозначения в пространстве средствами первоначальных элементов.

Какой бы стиль фасада ни был бы избран и какая идейная программа, ни была бы приурочена к той или иной постройке, воспроизводящей образ крепости, строительству предшествовала одна и та же интенция заказчика – изобразить в принадлежащем ему вполне мирном сооружении крепостные формы.

Эта тенденция созвучна процессам, которые протекали в то же время в английской, итальянской и французской архитектуре, а позднее – в немецкой. Однако, русская архитектурная школа, обладала своеобразием и произвела целый ряд оригинальных композиционных и типологических новаций.

Устойчивая интенция русских заказчиков и архитекторов этого времени на крепость как тему для архитектурного произведения «прошивала» и стилевую «сетку», и индивидуальности.

Образ крепости являлся не столько приметой стиля, сколько особой областью, объектом, в котором стиль мог проявить себя. Постройка, изображающая крепостное сооружение, может отражать как индивидуальный почерк архитектора (или вкусы заказчика), так и черты стилового направления в целом – принадлежать барочной, классицистической или неоготической тенденции.

Безусловно полезные и любопытные выводы, которые можно сделать, основываясь на наблюдениях над идейным содержанием этих сооружений, в действительности находятся на периферии проблемы, во вспомогательной (в данном случае) области культурологии: вероятно, постройки такого рода отражали экспансивный рост Российской Империи во второй половине XVIII в. и амбиции своих заказчиков. Но поставить их особняком, как особое явление в архитектурном процессе, позволяют иные характерные особенности.

Архитектурный оммаж крепости/замку эпохи Просвещения в России, за редким исключением вроде Ходынки, чаще всего реализовывался как копия без образца, с равнением на образ вообще. Когда-то функционально обусловленные и ставшие со временем символическими формы становились объектом воспроизведения и эстетизации, причем оказались востребованы во множестве областей заказчиками, принадлежащими к разным социальным стратам и даже сословиям. Как было показано выше стилевая классификация оказывается не всегда эффективной, применительно к такого рода памятникам, а порой затемняет историю создания и объективный контекст. Но и интерпретация идейных программ в каждом отдельном случае не является финальной точкой анализа и на поверку смыслы, которые в разное время читали в них разные исследователи, оказывались скорее поводом

строительства, нежели настоящей предпосылкой, которая инициировала архитектурный проект.

Устойчивая, невероятно вариативная тенденция строить здания, изображающие крепость, развилась в России как признание архитектурного совершенства крепостной архитектуры, способной составить альтернативу другим художественным системам: классическому ордеру, неоготическим попыткам его преодоления или архитектуре Востока.

Первоначально воспринятый как затейливый мотив, легко воспроизводимый через относительно простые композиционные схемы из стандартных модулей («башня», «стена» или «арка», иногда «зубцы», «бойницы» и прочий «крепостной» декор) образ крепости «перерос» отведенные ему границы архитектуры фейерверков и пейзажных парков и смог реализоваться в архитектуре больших резиденций, усадеб, присутственных мест и храмов. **Апробация работы** состоялась в рамках российских и международных конференций, а также занятий с абитуриентами на подготовительных курсах:

1. «К проблеме стилового разнообразия крепостных реминисценций в русской архитектуре второй половины XVIII века», Русское искусство. Стиль и манера, МГУ им. М.В. Ломоносова, 28 марта 2024.
2. «Морфология образа крепости: заказы екатерининского времени в контексте европейской архитектуры.», Русское искусство. Странствия и возвращение, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20 апреля 2024.
3. «Протоиерей Андрей Беляев (1846–1918) – семиолог до Лихачева: к историографии Вифании митрополита Платона.», «Парадоксы времени: искусство, литература и наука в (не)правильном контексте», ЕУСПБ, 16 апреля 2023.
4. «Вифанский «Фавор» митрополита Платона: функция, типология и иконография», Актуальные проблемы теории и истории искусства, МГУ им. М.В. Ломоносова, 04 октября 2022.

5. «Иван Старов и русское "дитя Строуберри Хилл"», Русское искусство. Структуры и личности, МГУ им. М.В. Ломоносова, 22 апреля 2022.
6. «Образ крепости и его русские архитектурные воплощения во второй половине XVIII века», Русское искусство. Мимезис и утопия, МГУ им. М.В. Ломоносова, 09 апреля 2021.
7. «Вифанский собор митрополита Платона в зеркале русской мемуаристики», IX международная научная конференция "Актуальные проблемы теории и истории искусства", СПбГУ, 29 октября 2020.

Список публикаций автора:

1. Башкирова М.А. Вифания митрополита Платона в зеркале русского романтизма // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 12 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 328–341.
2. Башкирова М.А. Проповедующая архитектура: Спасо-Вифанская обитель митрополита Платона // Художественная культура (Art&Culture Studies). Электронный рецензируемый научный журнал Государственного института искусствознания. 2023. № 2. С. 324–353.
3. Башкирова М.А. Образ крепости в русской архитектуре последней трети XVIII в.: история вопроса и проблема метода // Вестник МГУ. Серия 8: История. 2024. Т. 65, № 2. С. 179–191.
4. Башкирова М.А. Образ крепости в составе русских загородных ансамблей середины XVIII века // Academia. Архитектура и строительство. 2024. № 1. С. 20–24.
5. Башкирова М.А. Вифанский «Фавор» митрополита Платона: типология, функция, иконография // Актуальные проблемы теории и истории

искусства: сб. науч. статей. Вып. 13 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. – МГУ имени М. В. Ломоносова / СПб.: НП-Принт, 2023. С. 628–640.

6. Башкирова М.А. Образ крепости и его русские архитектурные воплощения во второй половине XVIII века // Русское искусство. Т. III. Мимезис и утопия. СПб: Алетейя, 2022. С. 41–58.

7. Башкирова М.А. Иван Старов и русское «дитя» Струберри Хилл // Русское искусство. Т. IV. Структуры и личности. СПб: Алетейя, 2023. С. 19 - 31.

8. Башкирова М.А. Праздник в Москве и праздник в Неаполе: к проблеме происхождения крепостных реминисценций в Ходынских павильонах 1775 года // Русское искусство. Т. V. Странствие и возвращение. СПб: Алетейя, 2024. С. 66 - 89.